

Конец весны – самая горячая пора для торговой палаты.

Предложение о снижении цен на ингибиторы уже приближалось к финальному утверждению, торги за право продажи только что закончились, впереди – установка фиксированных цен на электронику и контрацептивы.

Ци Хань работал на износ. День за днём, не зная покоя, он буквально парил над землёй, измотанный, погружённый в кипучую деловую круговерть.

С тех пор как на следующий день после возвращения он позавтракал с Фу Гэ, у него так и не появилось свободного времени, чтобы заехать в Академию искусств и побыть с маленьким бетой.

Каждый день, ровно в пять, он стоял у ворот школы, забирал его, потом заходил на занятия по классике, откуда вытаскивал маленького Дзюэ. Втроём они ужинали где-нибудь в городе, возвращались домой, принимали душ, смотрели Губку Боба, а когда наступало время спать, он относил обоих малышей в главную спальню.

Ци Хань бережно укладывал их в огромное, словно целая кровать, сделанное на заказ птичье гнездо, включал ночник, зажигал ароматическую свечу, раскачивал подвешенные качели и мягким, тёплым голосом читал вслух две немецкие сказки, убаюкивая их.

Фу Гэ сворачивался калачиком, прижимая к себе Дзюэ, а Ци Хань ложился рядом, обнимая их обоих. Белый жасмин его феромонов перемешивался с расслабляющим ароматом благовоний, наполняя воздух нежностью и покоем. Совсем скоро веки тяжело смыкались, зевота накатывала волнами, и даже во сне их пальцы цеплялись за край его одежды.

Один большой, другой маленький, оба одинаково тихие, оба одинаково привязаны к нему.

Этот момент – самый счастливый за весь день, потому что вся его оставшаяся жизнь мирно спала у него в объятиях.

Но даже железный человек не выдержит две недели подряд работать без отдыха.

Как только Чэнь Син вернулся из короткого отпуска, Ци Хань, не раздумывая, свалил на него всю законченную работу и отправился домой, где, не раздеваясь, завалился на кровать, обняв спящего Фу Гэ, и отрубился на долгий, заслуженный сон.

Заснул он только в три ночи, а в девять утра всё ещё не проснулся. Фу Гэ, жалея его, не стал будить, просто приготовил завтрак, собрал Дзюэ и ушёл с ним в школу.

Когда Ци Хань наконец открыл глаза, было уже половина одиннадцатого.

Сквозь огромные панорамные окна лился мягкий солнечный свет, тепло ложилось на кожу, и было так уютно, что вставать совершенно не хотелось.

Но он заставил себя. Быстро позавтракав, он прошёл на кухню, поколдовал там немного и ровно к обеденному перерыву приехал в Академию искусств, в руках – два больших термоса.

Фу Гэ был в мастерской, занят уроком.

Он сидел на низенькой табуретке, в вязаном свитере и комбинезоне, перед ним возвышался мольберт с текущим заданием.

С его позиции Ци Хань не видел, что именно тот рисует, но прекрасно видел другое – нос и обе щеки перепачканы краской. Как будто он уронил на себя целую банку и даже не заметил.

Вероятно, так и было. Он напряжённо слушал преподавателя, чуть нахмутив брови, и в этой отстранённой серьёзности был до смешного хорош.

Ци Хань усмехнулся, достал телефон и сделал несколько снимков.

— Как вообще можно каждый раз так вымазываться? – пробормотал он про себя, не отрывая взгляда от Фу Гэ.

В этот момент в конце коридора показалась группа парней – высоких, в спортивных костюмах, сразу видно, не художники.

Они остановились у дверей класса, бросая быстрые взгляды внутрь, переминаясь с ноги на ногу и о чём-то перешёптываясь.

— И сколько ты ему уже купил?

— Да сам сбился со счёта. Пятнадцать? Двадцать? Всё равно не берёт. Даже через старшую с его факультета передавал – ноль реакции.

— Тьфу. Идеальный, конечно, но, блин, неприступный.

— А он точно надолго здесь? Говорят, он просто переводной, может, скоро и свалит?

— Может, у него уже есть парень? — предположил один из парней.

Другой фыркнул:

— Да брось. Кто-то же говорил, что он сам отказал кому-то, так и сказал в лицо — мол, есть парень.

Ци Хань медленно моргнул, убрал телефон в карман, лениво откинулся спиной на стену.

— И ты в это поверил? Если бы у него и правда кто-то был, тот бы давно объявился. Очевидно же, что это просто вежливый...

Слова увяли на полуслове. Парень осёкся, наткнувшись взглядом на холодные, бесстрастные глаза Ци Ханя.

Лишь секунда - и тот уже отвернулся, словно не придавая услышанному ни малейшего значения. На его лице не дрогнул ни один мускул.

Но от этого стало только страшнее.

Парень невольно поёжился, чувствуя, как от взгляда пробегает неприятный холод по спине. Решив, что они просто мешают, он поспешно ткнул локтем своего болтливового друга:

— Всё, завязывай, уже конец пары.

Преподаватель, умудрённый опытом профессор, увлечённо продолжал лекцию. Его знания были обширны, объяснял он интересно, но имел одну раздражающую привычку — каждый раз затягивал уроки, прихватывая драгоценные минуты перерыва.

Как только прозвенел звонок, аудиторию тут же наполнил гул голосов, стулья закрипели по полу, студенты заёрзали на местах, бросая нетерпеливые взгляды на дверь.

Фу Гэ тоже поднял голову - и сразу же заметил его.

Ещё бы. Как тут не заметить?

Чёрное длинное пальто, в ухе Bluetooth-гарнитура, широкие плечи - словно каменная стена. Чётко очерченный профиль, узкий резкий взгляд, жёсткая линия плотно сжатых губ. Он и без слов был агрессивен, а стоило лишь лениво скользнуть взглядом по толпе - воздух в аудитории тут же стал гуще от гормонов.

Мальчишка, который в свои восемнадцать сразил его наповал, повзрослел, стал суровее, но всё так же захватывал дух.

Фу Гэ застыл, не в силах оторваться от него взглядом. Голос преподавателя растворился в общем шуме, превратившись в белый фон. Они стояли по разные стороны аудитории, разделённые толпой студентов, но смотрели только друг на друга.

Ци Хань беззвучно шевельнул губами:

— Заберу тебя после пар.

Фу Гэ опустил подбородок на ладонь, постучал пальцем по виску:

— Запечатан.

И ровно в этот момент его фамилия прозвучала на всю аудиторию:

— Фу, берегите шею! — профессор сдвинул очки на кончик носа. — Вы так заглядываетесь в коридор, будто там что-то невероятно интересное.

В мастерской раздался дружный смех.

Фу Гэ не смутился – он только лукаво подмигнул Ци Ханю.

Один из студентов, которому было скучно жить без драмы, тут же выкрикнул:

— Учитель, он вообще-то на «пейзаж внутри» засматривался!

Смешки только усилились. За последние дни вся группа успела привыкнуть к этой сцене: где Фу Гэ – там и толпа ухажёров у двери.

Преподаватель хмыкнул, приподняв бровь:

— Хм, обычно Фу Гэ внимателен на уроках. А сегодня что-то часто отвлекается...

Он сделал шаг в сторону, лениво бросив взгляд за дверь.

И рассмеялся.

— Ох, опять они. С таким количеством красавчиков я точно проиграю битву за внимание аудитории.

Подойдя к дверному проёму, он приглашающе махнул рукой:

— Вы там, проходите уже!

Ци Хань шагнул внутрь, и теперь все увидели его во всей красе.

Преподаватель оценил взглядом длинное пальто, твёрдую осанку, лёгкую, но уверенную походку. Затем заметил два больших термоса в руках.

— О, так вы не из их компании, — понимающе кивнул он. — Вы, наверное, опекун?

Он поправил очки.

— Знаете, в последнее время вашего ребёнка постоянно отвлекают от учёбы.

Ци Хань усмехнулся и посмотрел прямо на Фу Гэ:

— Взрослеет, что поделать. Секреты уже есть даже от «родителей».

Комната взорвалась хохотом.

Особенно активно смеялись соседи Фу Гэ по комнате, с заговорщицкими взглядами толкая его в бок.

Щёки у маленького беты запылали, он и сам не знал, куда деться от смущения. А вот Ци Хань, как всегда, стоял совершенно спокойно, без тени стеснения, только открыл рот, чтобы что-то сказать — как вдруг раздался громогласный голос его соседа по парте:

— Учитель! Это не опекун! Это жених Фу Гэ!

Как только слова сорвались с губ, аудитория взорвалась.

Девушки завизжали, заглушая друг друга восторженными шепотками, парни тут же начали свистеть, обмениваясь понимающими ухмылками.

А вот те несколько бедолаг из коридора, кто ещё недавно рассуждал о том, как сложно добиться Фу Гэ, замерли, будто их облили ледяной водой, и теперь переглядывались с невыразимой смесью стыда и паники, глядя на Ци Ханя, но боясь издать хотя бы звук.

Преподаватель, несмотря на почтенный возраст, выглядел довольнее всех, даже глаза хитро

сверкнули, когда он поднял руки, призывая к тишине:

— Ну раз так, значит, нашему классу прибавился ещё один не зарегистрированный студент.

Потом он повернулся к Ци Ханю, лениво оглядел его с ног до головы и заговорщически предложил:

— А раз уж вы здесь, может, поможете нам? У нас во второй половине дня урок наброска, и как раз не хватает модели с хорошо развитой мускулатурой.

Предложить человеку, управляющему миллиардной корпорацией, позировать студентам-художникам? Это надо уметь.

Но Ци Хань и глазом не моргнул, только с лёгкой усмешкой повернулся к Фу Гэ:

— Это зависит от моего мужа.

— Ооооо!!! — взорвалась аудитория, свист и подначки поднялись с новой силой.

— Боже, они такие сладкие! — кто-то не выдержал и прокричал из девичьего уголка.

Фу Гэ окончательно покраснел, замахал руками:

— Нет, нет, он не подходит!

Преподаватель улыбнулся ещё шире:

— Почему же? По-моему, он лучше всех наших прежних моделей.

Он повернулся к Ци Ханю и задал вопрос с академической серьёзностью:

— Какой у вас рост и вес?

Ци Хань не задумываясь ответил. Его взгляд, однако, ни на секунду не отрывался от Фу Гэ – он смотрел на него с той же мягкостью, с какой ветер скользит по барханам, касаясь их едва ощутимым прикосновением.

— Хм, — профессор кивнул, оценивающе хмыкнул и вдруг добавил: — А талия? Бёдра?

В аудитории сдавленно захихикали.

<http://bllate.org/book/14453/1278377>